

УДК94(67)+055.2

DOI 10.26456/vthistory/2021.2.088–102

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВАХ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ СУБСАХАРСКОЙ АФРИКИ¹

К. А. Петров

Тверской государственной университет, г. Тверь

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы социальной депривации женщин в обществах постколониальной Тропической Африки. Автор сконцентрировал внимание на изучении важнейших социальных институтов, которые являются определяющими для женской повседневности в субсахарском регионе, – семье, образовании и здравоохранении. В статье выявлены ключевые аспекты депривации: минимальный возраст вступления в брак, главенство в семье, статус женщины, родительские права и обязанности, доступ к образованию, причины отсева девочек из школ, доступ к репродуктивной медицине. Автор приходит к выводу, что главным фактором депривации на постколониальном этапе развития субсахарских обществ остаются обычаи и традиционные практики, способствующие сохранению стереотипов фемининности и формированию типичных гендерных сценариев.

Ключевые слова: социальная депривация, гендер, гендерное насилие, постколониализм, Тропическая Африка.

Общества постколониальной Тропической Африки характеризуются высоким уровнем дискриминации на основе гендерной принадлежности. Женщины и мужчины сталкиваются с различными ее проявлениями, в частности с физическим и психологическим насилием. Однако не менее существенной и значимой в контексте повседневной жизни членов обществ является также и депривация, которая может осуществляться в социальной, экономической или политической сферах жизнедеятельности.

В историографии, посвященной проблемам гендерной дискриминации в странах постколониальной Тропической Африки, существенно преобладают исследования практик физического насилия, таких как изнасилования и калечащие операции на женских половых органах. Аспект соци-

---

¹ Научный руководитель – док. ист. наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А.В. Белова.

альной депривации становился предметом отдельных научных статей², однако комплексного исследования данной темы не проводилось. Авторы в основном концентрировали внимание на отдельных проявлениях депривации в африканских сообществах. Кроме того, следует отметить слабую степень изученности проблем депривации в сферах образования и здравоохранения, которые, тем не менее, являются крайне важными для понимания положения африканских женщин.

Учитывая этнокультурные особенности гендерных отношений в постколониальной Тропической Африке, можно предположить, что женщины в большей степени испытывают на себе проявления депривации в социальной сфере. Предпосылкой этому может служить представление о мужчинах как о первостепенных по сравнению с женщинами членах обществ (мачизм). Не менее важным фактором, оказывающим влияние на социальное положение и возможности женщин, являются традиционные стереотипы фемининности, детерминирующие гендерные роли женщин. Несмотря на развитие представлений о гендерном равенстве в постколониальном периоде, африканки продолжают восприниматься, в первую очередь, как жены и матери, помощницы мужчинам в хозяйстве, нежели самостоятельные субъекты социальных отношений. Это непосредственно влияет на их возможности личностной и профессиональной самореализации. Наконец, существенным фактором социальной депривации, основанной на гендерной принадлежности, являются социальные нормы, содержащие дискриминационные положения. В условиях сохранения многих элементов традиционного социального устройства африканских сообществ на гендерную систему оказывают влияние как национальные законодательства, так и обычаи и традиции отдельных этнических групп субсахарской Африки.

Ключевыми социальными институтами, в которых наиболее очевидно проявляется депривация в отношении женщин, являются семья, образо-

---

² Harrel-Bond B. E., *Rijnsdorp U. Family Law in Sierra Leone. A Research Report*. Leiden, 1975; Armstrong A. *Uncovering reality: excavating women's rights in African family law* // *International Journal of Law and the Family*. 1993. Vol. 7. Issue 3. P. 314–369; Рыбалкина И.Г. Некоторые демографические и социально-политические аспекты функционирования африканской семьи // *Африка. Гендерное измерение* / сост. и отв. ред. Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М., 2000. С. 127–135; Рыбалкина И.Г. Особенности и проблемы африканской семьи // *Азия и Африка сегодня*. М., 2012. С. 47–50. Рыбалкина И.Г. Семейные отношения у средних слоев африканских обществ // *Азия и Африка сегодня*. М., 2018. № 12. С. 47–52; Arthur M., Earle A., Raub A., etc. *Child Marriage Laws and the World: Minimum Marriage Age, Legal Exception, and Gender Disparities* // *Journal of Women, Politics & Policy*. Abingdon-on-Thames, 2018. Issue 1, Vol. 39. P. 51–74.

Rybalkina I. G., *Nekotoryye demograficheskiye i sotsial'no-politicheskiye aspekty funktsionirovaniya afrikanskoy sem'i*, Afrika. Gendernoye izmereniye, sost. i отв. red. N.L. Krylova, N. A. Ksenofontova, M., 2000, S. 127–135; Rybalkina I. G., *Osobennosti i problemy afrikanskoy sem'i*, Aziya i Afrika segodnya, M., 2012, S. 47–50. Rybalkina I.G., *Semyunyye otnosheniya u srednikh slojev afrikanskikh obshchestv*, Aziya i Afrika segodnya, M., 2018, № 12, S. 47–52.

вание и здравоохранение. Это объясняется тем, что именно они, в первую очередь, связаны с повседневностью женщин и девочек.

Социальная депривация в пространстве семьи ощущается наиболее отчетливо, поскольку стереотипы фемининности и маскулинности, а также различные обычаи и практики, обуславливающие гендерные модели поведения, в первую очередь оказывают влияние на семейные отношения. Кроме того, будучи важнейшим агентом первичной социализации личности, семья транслирует указанные стереотипы и гендерные сценарии детям. Наблюдая за моделями поведения родителей, установленными нормами обычного и формального права, ребенок формирует собственные устойчивые представления о положении мужчин и женщин как в семье, так и в обществе в целом, а затем транслирует их уже во взрослой жизни.

Семейные отношения в постколониальных обществах Тропической Африки испытывают на себе существенное влияние норм обычного права. Они могли применяться либо вместо официальных законов, либо наравне с ними. В ряде стран отмечается бинарность правовой системы, которая разрешает применение традиционных обычаев и практик в тех случаях, когда они представляют собой результат историко-культурного развития этнической общности. Так, например, в постколониальном Бенине в сфере семейных и гражданских правоотношений признавались легитимными нормы Свода обычаев Дагомеи, который был принят 9 марта 1931 года³. Вполне очевидно, что обычное право, созданное в колониальный период, не будет регулировать отношения на основе идеи гендерного равенства, достижение которого началось в бенинском обществе лишь на постколониальном этапе. Аналогичное явление можно было наблюдать и в законодательстве других субсахарских государств в постколониальный период⁴. Признание в качестве допустимых норм обычного права наравне с национальным законодательством приводило к тому, что представители этнических групп, особенно в сельской местности, обращались именно к традиционным практикам – более знакомым и удобным – для регуляции отношений в брачно-семейной сфере.

Ещё одним сценарием применения бинарной правовой системы в странах постколониальной Тропической Африки является легитимизация лишь отдельных норм обычного права, которые были связаны с семейными отношениями. В указанных нормах находили свое отражение конкретные брачно-семейные обычаи и практики, характерные для тех или иных этнических групп (ранние и принудительные браки, левират, сорорат, выкуп и приданое и др.). Например, в Зимбабве допускалось заключение обычного зарегистрированного и обычного незарегистрированного брака наряду с

---

³ CEDAW. Combined initial, second and third periodic reports of States parties. Benin. 7 November 2002. Rep. UN CEDAW/C/BEN/1-3. P. 12.

⁴ CEDAW. Initial, second, third, fourth and fifth periodic reports of States parties. Congo. 8 April 2002. Rep. UN CEDAW/C/COG/1-5. P. 16 (далее – CEDAW/C/COG/1-5); CEDAW. Combined initial, second, third, fourth, fifth and sixth periodic reports of States parties. Liberia. 13 October 2008. Rep. UN CEDAW/C/LBR/6. P. 20.

гражданским⁵. На Мадагаскаре существовала возможность вступления в один из пяти видов брачного союза: законный, моногамный традиционный, моногамный гражданский, полигамный традиционный и полигамный гражданский⁶. В Кении также были допустимы пять видов брака, выделенные в соответствии с религиозными представлениями: христианский, мусульманский, индийский, африканский обычный брак и гражданский⁷. Несмотря на закрепление в законе и обычае различных вариантов, часто складывалась ситуация, при которой женщина, вступившая в брак на основе обычая, оказывалась социально незащищённой, особенно в случае развода или смерти супруга. В большинстве случаев у девушек и женщин не было возможности сделать выбор относительно формы брачного союза, поскольку ее родственники и семья жениха принимали решение за неё.

Несмотря на то что значительная часть традиционных практик, регламентирующих брачно-семейные отношения, в постколониальных африканских обществах квалифицируется как делинквентное поведение, частой является ситуация игнорирования местными общинами запрещающих правовых норм. Особенно чётко это прослеживается в сельской местности, поскольку там сохранение и воспроизводство обычая не попадает в поле зрения правоохранительных органов, а женщины, подвергающиеся дискриминации, в большинстве своём не имеют ни возможностей, ни достаточной информации для защиты своих прав. Исключением из таких ситуаций в постколониальной Тропической Африке можно считать такие государства, в которых преобладает европейское население (например, Кабо-Верде).

Помимо норм обычного права, которые продолжают применяться на постколониальном этапе развития субсахарских обществ, важным фактором социальной депривации на основе гендерной принадлежности следует считать трансляцию стереотипов фемининности и маскулинности и дискриминационные положения, содержащиеся в официальном законодательстве стран Тропической Африки, возникшем уже после 1960-х гг. Здесь следует указать на некоторые важнейшие аспекты брачно-семейного права, которые оказывают непосредственное влияние на систему гендерных отношений в африканских обществах: минимальный возраст вступления в брак, определение главы семьи, юридический статус жены, права и обязанности родителей.

В большинстве субсахарских обществ как в доколониальный и колониальный, так и в постколониальный периоды девушки традиционно вступали в брак в более раннем возрасте, нежели мужчины. Это было связано с системой поддержания социальных связей в контексте трайбализма, более

---

⁵ CEDAW. Initial report of State parties. Zimbabwe. 20 July 1996. Rep. UN CEDAW/C/ZWE/1. P. 74 (далее – CEDAW/C/ZWE/1).

⁶ CEDAW. Fifth periodic report of States parties. Madagascar. 29 January 2008. Rep. UN CEDAW/C/MDG/5. P. 20 (далее – CEDAW/C/MDG/5).

⁷ CEDAW. Combined fifth and sixth periodic reports of States parties. Kenya. 16 October 2006. Rep. UN CEDAW/C/KEN/6. P. 52.

высокой фертильностью или же возможностью семьи невесты получить экономическую выгоду в виде приданого⁸. В различных этнических общностях минимальный возраст вступления в брак различался, однако в большинстве случаев для девушек он был ниже, чем для юношей, на несколько лет. В среднем минимальный брачный возраст для девушек устанавливался в 14–15 лет, хотя в некоторых обществах составлял и 18 лет⁹. Наименьшая граница существовала в северной части Нигерии до 2006 года: девочки могли выходить замуж в 12 лет (в некоторых случаях они становились жёнами даже в 9 лет)¹⁰.

В некоторых случаях в законодательстве вовсе не указывается минимальный возраст вступления в брак (например, Гамбия)¹¹. В Малави брачный возраст установлен и составляет 21 год для обоих партнеров, однако при этом семейное право и Конституция разрешает заключение ранних браков, для которых границы не определяются¹².

Установление низкого минимального возраста вступления в брак для девушек приводил к тому, что они были вынуждены завершать обучение в школе, что негативно сказывалось на их образовательном уровне и, соответственно, будущих возможностях профессиональной самореализации. Кроме того, раннее замужество становилось причиной подростковой беременности, часто опасной для женского репродуктивного здоровья¹³.

В нормативных правовых нормах обществ постколониальной Тропической Африки, как и в существовавшем ранее обычном праве, закреплялась главенствующая роль мужа в семье. Это положение было взаимосвязано и с другими дискриминационными нормами, поскольку долгое время лишь глава семьи мог определять место проживания супругов с детьми, в то время как женщина могла лишь попытаться опротестовать данное реше-

⁸ Рыбалкина И. Г. Некоторые демографические... С. 128.

Rybalkina I. G., *Nekotoryye demograficheskiye...*, S. 128.

⁹ CEDAW. Concluding observations. United Republic of Tanzania. 6 June 1990. A/45/38 paras. 93-129. P. 26; CEDAW. Initial report of State parties. Madagascar. 11 November 1993. Rep. UN CEDAW/C/5/Add.65/Rev.2. P. 34; CEDAW. Second periodic reports of States parties. Zaire. 10 February 1997. Rep. UN CEDAW/C/ZAR/2. P. 17 (далее – CEDAW/C/ZAR/2); CEDAW. Second and third periodic reports of States parties. Burkina Faso. 25 February 1998. Rep. UN CEDAW/C/BFA/2-3. P. 49; CEDAW. Initial reports of States parties. CAMEROON. 9 May 1999. Rep. UN CEDAW/C/CMR/1. P. 50 (далее – CEDAW/C/CMR/1); CEDAW. Combined second, third, fourth and fifth periodic reports of States Parties. Gabon. 25 June 2003. Rep. UN CEDAW/C/GAB/2-5. P. 30 (далее – CEDAW/C/GAB/2-5).

¹⁰ CEDAW. Combined fourth and fifth periodic reports of States parties. Nigeria. 28 April 2003. Rep. UN CEDAW/C/NGA/4-5. P. 66 (далее – CEDAW/C/NGA/4-5).

¹¹ CEDAW. Combined initial, second and third periodic reports of States parties. Gambia. 10 April 2003. Rep. UN CEDAW/C/GMB/1-3. P. 49 (далее – CEDAW/C/GMB/1-3).

¹² CEDAW. Combined second, third, fourth and fifth periodic report of States parties. Malawi. 28 June 2004. Rep. UN CEDAW/C/MWI/2-5. P. 100 (далее – CEDAW/C/MWI/2-5).

¹³ Arthur M., Earle A., Raub A., etc. Op. cit. P. 66.

ние через суд, что редко приводило к удовлетворительному для нее результату¹⁴.

В 1980–1990-е гг. в ряде обществ Африки южнее Сахары в семейном праве продолжали сохраняться нормы, фактически или формально лишавшие жену статуса дееспособного лица. Она могла быть признана частично дееспособной или вовсе приравнивалась к несовершеннолетним по своим юридическим возможностям. В Намибии, например, замужние женщины, согласно закону, находились в состоянии «супружеской зависимости». Это означает, что они не имели права самостоятельного обращения в судебные инстанции или заключения каких-либо договоров¹⁵. Семейный кодекс Демократической Республики Конго закреплял полную недееспособность жены¹⁶. В некоторых странах постколониальной Тропической Африки женщины не имели права самостоятельно передвигаться со своими детьми без получения разрешения со стороны мужа¹⁷. Также в семейном праве ряда субсахарских государств супруг имел право потребовать прекращения от жены занятий коммерческой деятельностью или работы, которая, по его мнению, могла навредить «интересам семьи», то есть супружеским отношениям, воспитанию детей и выполнению традиционных домашних обязанностей женщины¹⁸.

В контексте родительских прав и обязанностей женщины формально имеют лучшие условия, нежели мужчины. Так, во многих национальных законодательствах в случае развода именно с матерью остаются несовершеннолетние дети¹⁹, на которых отцом выплачиваются алименты. Кроме того, в случае рождения в семье ребенка мать имеет право на получение отпуска, в то время как для мужчин подобного не предусмотрено²⁰. В редких случаях отцу предоставляется лишь несколько дней отгула, после чего он вынужден вновь выйти на работу²¹. С одной стороны, это подчеркивает лучшие правовые условия для матерей, однако с другой – лишает их воз-

---

¹⁴ CEDAW. Initial report of State parties. Namibia. 10 February 1997. Rep. UN CEDAW/C/NAM/1. P. 22 (далее – CEDAW/C/NAM/1); CEDAW. Third and fourth periodic reports of States parties. Kenya. 14 February 2000. Rep. UN CEDAW/C/KEN/3-4. P. 23; CEDAW. Initial reports of State parties. Guinea. 6 March 2001. Rep. UN CEDAW/C/GIN/1. P. 118 (далее – CEDAW/C/GIN/1).

¹⁵ CEDAW/C/NAM/1. P. 28–29.

¹⁶ CEDAW/C/ZAR/2. P. 18.

¹⁷ CEDAW. Third and fourth periodic reports of States parties. Zambia. 12 August 1999. Rep. UN CEDAW/C/ZAM/3-4. P. 18 (далее – CEDAW/C/ZAM/3-4); CEDAW. Combined initial and second periodic reports of States parties. Mozambique. 14 November 2005. Rep. UN CEDAW/C/MOZ/1-2. P. 24 (далее – CEDAW/C/MOZ/1-2).

¹⁸ CEDAW/C/COG/1-5. P. 24; CEDAW/C/GAB/2-5. P. 33; CEDAW/C/MOZ/1-2. P. 24.

¹⁹ CEDAW/C/MWI/2-5. P. 103; CEDAW. Combined third, fourth and fifth periodic reports of States parties. Mauritius. 19 January 2005. Rep. UN CEDAW/C/MAR/3-5. P. 49.

²⁰ CEDAW. Initial and second periodic reports of State parties. Mauritius. 3 July 1992. Rep. UN CEDAW/C/MAR/1-2. P. 48; CEDAW/C/NAM/1. P. 23.

²¹ CEDAW/C/CMR/1. P. 58; CEDAW/C/MDG/5. P. 43; CEDAW. Combined initial to third periodic reports of States parties. Côte d'Ivoire. 18 October 2010. Rep. UN CEDAW/C/CIV/1-3. P. 69 (далее – CEDAW/C/CIV/1-3).

возможности ведения профессиональной деятельности после родов, а также закрепляет за ней весь спектр обязанностей по уходу за ребенком.

Таким образом, в обществах субсахарской Африки в 1980–2000-х гг. социальная депривация женщин в сфере семейных отношений продолжает сохраняться в связи с традиционными нормами, которые отражаются как в обычном, так и формальном праве. Они закрепляют традиционные роли жены и мужа, ставят женщину в подчиненное, часто лишенное прав положение. Женщины не имеют возможности влиять на важнейшие вопросы, связанные с институтом брака: выбор партнера, возраст вступления в брак, место проживания семьи, внутрисемейное распределение обязанностей, жизненные стратегии. При этом сохраняющиеся нормы обычного права на постколониальном этапе развития африканских обществ не учитывают происходящие изменения, в контексте которых женщины часто вынуждены занимать традиционно «мужские» роли. Немаловажной проблемой остается игнорирование общинами запрещающих норм формального права, что демонстрирует их стремление к сохранению существующих традиций в отношении положения женщин.

В социальной сфере девочки и молодые девушки сталкиваются с проявлениями **депривации в сфере образования**. В субсахарских обществах сохраняется стереотипное представление о том, что им не нужно проходить длительное обучение в школе, а тем более в высшем учебном заведении. Это связано с уже упоминаемым восприятием дочерей как временных членов семьи, которые покинут ее с момента вступления в брак. Соответственно, родители предпочитают оплачивать образование мальчикам, которые в будущем преумножат достояние рода. Как отмечается в докладе Гвинеи: «Многие родители считают школьное образование не обязательным и не нужным для девочки, они дают ей домашнее образование, которое поможет найти хорошего мужа и сделает ее хорошей женой и матерью²²». Таким образом, поскольку родители не воспринимают получение образования дочерьми в качестве выгодной для семьи траты финансов, а также не считают его полезным для будущей жизни девочек, они склонны оставлять их на домашнем обучении.

Низкие показатели представленности девочек в системе общего и высшего образования связаны и с другими факторами. Доклады в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин большинства стран регистрируют в качестве причины отсева на разных ступенях обучения ранние браки и беременности среди учениц²³. Как уже отмечалось ранее, у многих народов в Тропической Африке минимальный возраст вступления девочек в брак крайне низкий, особенно если речь о замужестве по обычному праву. Следовательно, девочки, которых родители все же отправили в школу, в большинстве случаев могли закончить лишь несколько начальных классов, после чего становились женами и матерями. Кроме того, на про-

---

²² CEDAW/C/GIN/1. P. 54.

²³ CEDAW/C/AGO/1-3. P. 35; CEDAW/C/GMB/1-3. P. 16; CEDAW/C/COD/4-5. P. 35; CEDAW/C/ZAM/3-4. P. 18.

тяжении долгого периода времени в системе образования считалось недопустимым обучение для тех девушек, которые оказывались беременными: «Традиционное бурундийское общество было более строгим и более требовательным по отношению к девушкам. Еще недавно такая девушка решительно изгонялась из любого учебного заведения школьной системы²⁴». Похожая ситуация была характерна и для других обществ региона. С одной стороны, это отражает некие внутренние, обусловленные этнокультурными представлениями и фундаментальными ценностными ориентациями установки субсахарских народов, которые нельзя подвергать критике, исходя лишь из привычных нам категорий морали. Однако нельзя не учитывать то, что в постколониальной Тропической Африке подростковая беременность, которая стала причиной исключения из образовательного учреждения, с высокой вероятностью является следствием не осознанного выбора девочки или ее безнравственного поведения, а скорее сексуального насилия – случайного или санкционированного общиной, если это входит в практики инициации или происходит в раннем браке.

Среди факторов, которые указываются в докладах стран в соответствии с Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, также отмечается занятость девочек в домашнем хозяйстве. В частности, в докладе Анголы в 2011 г. говорится следующее: «Главное препятствие, не позволяющее женщинам получать полноценное образование, связано с культурными аспектами и теми обязанностями, которые ложатся на женщин по дому, девушки в семьях несут ответственность за воспитание своих младших братьев и сестер²⁵». От девочек в семье ожидают выполнение гендерно детерминированных функций, которые составляют часть процесса их воспитания. Это напрямую связано с вышеизложенным тезисом о том, что в первую очередь девушек готовят к ролям жены и матери, а процесс образования в государственных учреждениях не принесет никакой пользы ни ее родственникам, ни семье будущего мужа. Все необходимые для последующей брачной жизни знания, умения и навыки она, согласно традиционным представлениям большинства народов субсахарской Африки, может получить дома, помогая по дому своей матери. Кроме того, девочки также должны быть заняты и в сельском хозяйстве, поскольку выращивание и сбыт продовольственных культур, а также обеспечение домохозяйства водой и топливом являются типичными «женскими» функциями. В докладе Нигерии 1997 г. отмечается, что одним из факторов низкого охвата образованием для девочек может быть «упущенная выгода родителей в связи с формальным образованием (неиспользованная возможность экономии средств, которые могли бы накапливаться, если бы девочки оставались дома и занимались сельским хозяйством или уличной торговлей)»²⁶. Таким образом, родители пытаются извлечь любую возможную

²⁴ CEDAW/C/BDI/1. P. 15.

²⁵ CEDAW/C/AGO/6. P. 13.

²⁶ CEDAW/C/NGA/2–3. P. 38, 42.

пользу от девочек, пока они не вышли замуж и остаются членами их домохозяйства.

Депривация девочек в сфере образования также обусловлена неблагоприятными условиями пребывания на территории школы или высшего учебного заведения. Отмечается, что родители часто опасаются отдавать своих дочерей в образовательные учреждения, поскольку там они подвергаются сексуальным домогательствам и изнасилованиям²⁷. В отношении девочек и женщин существовали случаи сексуальных злоупотреблений со стороны как одноклассников, так и преподавателей. Эти случаи не являются редкими и оказывают серьезное влияние на возможность получения женщинами образования. Помимо физиологических и психологических последствий сексуального насилия, девочки после подобных происшествий не желают посещать иные образовательные заведения, опасаясь повторения травмирующего опыта.

В отличие от прав женщин в семейных отношениях, законодательство не только не препятствует получению девочками образования, но и активно это поощряет. Несмотря на то что не во всех обществах постколониальной Тропической Африки было введено обязательное школьное обучение, дискриминации в этом отношении со стороны правительств субсахарских государств не встречается. В некоторых странах предпринимаются попытки увеличения доли обучающихся-девочек на разных ступенях образования. Это достигается путем снижения минимальных баллов, которые требуются для перехода между этапами обучения, и льготными условиями оплаты образовательного процесса. Однако в некоторых случаях национальные инициативы кажутся недостаточно эффективными. Так, в частности, в Уганде в конце XX в. было принято решение о всеобщем начальном образовании, согласно которому каждая семья имеет право на то, чтобы четверо ее детей, из которых половину должны составлять девочки, если они есть, получили бесплатное образование²⁸. Несмотря на очевидную пользу данного решения, возникает ряд проблем с его реализацией. Во-первых, в условиях отсутствия четкого понимания социальными органами численности детей в семьях (не все дети регистрируются органами гражданского состояния, особенно в сельской местности), контроль за исполнением этой инициативы не представляется возможным. Во-вторых, в этой ситуации остальным девочкам в крупных семьях, вероятно, не достанется возможности обучаться, поскольку будет сохраняться стремление к предоставлению знаний мальчикам как «постоянным» членам семьи.

Существует депривация и на уровне высшего образования. В первую очередь это связано с традиционными представлениями и стереотипами фемининности и маскулинности. Эти компоненты фундаментальных ценностных ориентаций определяют восприятие этническими группами профессиональной занятости, разделяя ее на «женские» и «мужские» профессии. В связи с этим разделением родители и общество в целом поощряют

---

²⁷ CEDAW/C/BFA/6. P. 36.

²⁸ CEDAW/C/UGA/3. P. 14.

девушек к поступлению на специальности, свойственные типичным гендерными сценариям, и порицают, если они выбирают иную точку зрения. Среди народов субсахарского региона в постколониальный период эти «одобряемые» для женщин направления обучения и будущей профессиональной деятельности в целом совпадают. Для женщин определяются сферы образования, которые связаны с их функциями в домохозяйстве (приготовление пищи, шитье, домоводство)²⁹ и делопроизводством³⁰.

Депривация в сфере образования, основанная на гендерной принадлежности, не сводится исключительно к вопросам охваченности, отсева или специализаций. Элементы дискриминации можно встретить и непосредственно в рамках образовательного процесса. Учебные пособия содержат существенный пласт гендерно детерминированных образов, в рамках которых девочки изображаются как помощницы по дому, а женщины как матери и жены. Проявления депривации охватывают и самые незначительные элементы процесса обучения. Ч. Н. Адичи в эссе «We should all be feminists» описывает свой личный опыт, связанный с дискриминацией по признаку пола в школе: «Когда я училась в школе в Нсукке <...> в начале семестра мой учитель сказал, что даст нам тест, и тот, кто наберет самый высокий балл, будет старостой класса. Староста класса был большой шишкой. Если ты староста класса, ты записываешь имена всех шумящих каждый день, что наделяет достаточной властью, а еще учитель дает тебе тростниковую палочку. Конечно, вам не разрешают ее использовать. Но для девятилетней меня это казалось восхитительной перспективой. Я очень хотела быть старостой. И я сдала тест на самый высокий балл. Но, к моему удивлению, мой учитель сказал, что старостой класса будет мальчик. Она забыла объяснить это раньше – думала, что это очевидно. Мальчик был вторым по количеству баллов за тест. И он стал старостой. Но что самое интересное – этот мальчик был тихоней и неженкой, которому не интересно было контролировать класс при помощи трости. В то время как я была полна амбиций делать это. Но я была девочкой, а он – мальчиком, и он стал старостой класса»³¹. Автор демонстрирует, казалось бы, совершенно незначительный эпизод, который не оказывает существенного влияния на образовательный процесс, однако он показывает, что депривация на основе гендерной принадлежности осуществляется даже в таких вопросах.

Несмотря на то, что национальные правительства в постколониальной Тропической Африке предпринимают шаги по искоренению дискриминации в сфере образования, она продолжает сохраняться, поскольку опирается на фундаментальные ценностные ориентации местных народов, которые сопротивляются их трансформации. Образовательные возможности девочек напрямую связаны со стереотипами фемининности и типичными гендерными ролями и сценариями, что ограничивает варианты их

²⁹ CEDAW/C/ETH/1-3. P. 11.

³⁰ CEDAW/C/GIN/1. P. 84.

³¹ Адичи Ч. Н. We should all be feminists... С. 16–19.

личностной и профессиональной самореализации, а также приводит к формированию гендерно-ролевого стресса.

Третьей сферой общественной жизни, в рамках которой наблюдается социальная депривация женщин, является **система здравоохранения**. В постколониальной Тропической Африке оказание профессиональной медицинской помощи в целом имеет множество затруднений, однако в контексте дискриминации по гендерному признаку имеет смысл выделить лишь те проблемы, которые напрямую связаны с женщинами. В первую очередь необходимо проанализировать право и возможности женщин в области репродуктивного здоровья.

Можно отметить, что законодательство стран субсахарского региона в постколониальный период направлено на развитие возможностей женщин в вопросах репродуктивного здравоохранения, однако доступ к нему на протяжении этого времени оказывался затруднен в силу проблем с самой системой (недостаточное количество медицинских учреждений, их удаленность от мест проживания, нехватка и неквалифицированность медперсонала, отсутствие современных медикаментов и технических средств), а также из-за сохраняющихся в этнокультурных общностях стереотипов и обычаев.

Репродуктивное здоровье женщин зависит от доступа к услугам планирования семьи и квалифицированной и своевременной медицинской помощи. Кроме того, при анализе депривации в сфере здравоохранения в отношении женщин необходимо обратиться к вопросу о возможности совершения аборта.

Доступ к услугам по планированию семьи для множества женщин долгое время оставался, а в некоторых случаях остается и в настоящее время, ограниченным из-за традиционных представлений народов субсахарского региона. В докладе Габона, поданном в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин в 2003 г., отмечается: «При доступе к услугам в области планирования семьи женщины сталкиваются с определенными препятствиями культурного характера, поскольку считается, что ребенок является ценным божьим даром, а культ семьи и клана является незыблемым»³². Поскольку важнейшей для общины функцией женщины является деторождение, по традиционным представлениям, она не должна препятствовать естественному ее осуществлению. Ей отказывается в собственном мнении относительно количества детей, которых она хотела бы иметь, и промежутков между родами. У народов Сенегала традиционными лидерами и религиозными организациями отрицалась сама необходимость делать промежутки между родами³³, несмотря на очевидные негативные последствия для здоровья женщины, которые оказывают влияние на ее репродуктивные возможности. Доступ к услугам по планированию семьи может быть затруднен из-за давления со стороны родителей, супруга, общины. Кроме того, на это влияют и определенные религиозные верования,

³² CEDAW/C/GAB/2-5. P. 21.

³³ CEDAW/C/SEN/3-7. P. 25–26.

а также различные члены общества, такие как старейшины и прорицатели³⁴. Стереотипные представления останавливают женщин от обращения в медицинские учреждения. Например, среди народов игбо и йоруба долгое время сохранялось мнение, что «меры по планированию размера семьи способствуют распущенности»³⁵. В течение нескольких десятилетий после обретения странами в Африке независимости эта норма закреплялась законодательно. В ряде стран замужней женщине требовалось разрешение мужа на использование услуг и средств планирования семьи³⁶. Нередко женщина была вынуждена подчиняться мнению мужа в вопросах деторождения, даже если на то не было оснований в контексте общинных и законодательных норм, поскольку не имела собственных средств для оплаты расходов. Депривированность женщины в социальной и экономической сферах общественных отношений ставит ее в зависимое положение, не позволяя принимать собственных решений относительно здоровья и семьи.

Поскольку женщины не имеют возможностей к свободному использованию услуг по планированию семьи, они также лишены свободы и в отношении применения контрацептивных средств. Это вызывает проблемы, связанные с нежелательной беременностью и распространением заболеваний, передающихся половым путем, в частности инфекции ВИЧ/СПИДа. В докладах стран в рамках Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин статистические данные показывают, что использование различных контрацептивных средств является крайне низким и в среднем составляет менее 5% среди женщин, находящихся в репродуктивном возрасте. В тех этнических группах, где допускается их применение, например, среди шона и ндебеле в Зимбабве и банту в Уганде, отмечается высокий уровень различных народных методов, таких как травы или заговоры³⁷. Это объясняется, во-первых, отсутствием более современных средств контрацепции, а во-вторых, недостаточным уровнем осведомленности как женщин, так и мужчин о более эффективных способах контроля рождаемости и предупреждения заболеваний.

Все народы, проживающие в субсахарской Африке, негативно относятся к искусственному прерыванию беременности. Это связано с традиционными представлениями, обуславливающими обязанность женщин производить потомство и игнорирующими ее возможности и желания относительно количества детей и промежутков между родами. В отличие от политики государства в отношении вопросов планирования семьи, которая противопоставляется интересам общины и направлена на развитие прав женщин по получению подобной медицинской помощи, отношение к аборту среди политической элиты совпадает с традиционным восприятием. Следствием этого является сохранение правового запрета на искусственное прерывание беременности практически во всех обществах постколониаль-

³⁴ CEDAW/C/CIV/1-3. P. 80.

³⁵ CEDAW/C/NGA/4-5. P. 63.

³⁶ CEDAW/C/ZAM/3-4. P. 34; CEDAW/C/GIN/1. P. 93; CEDAW/C/GAB/2-5. P. 21.

³⁷ CEDAW/C/UGA/1-2. P. 59; CEDAW/C/ZWE/1. P. 61–62.

ной Тропической Африки. В большинстве стран легально провести операцию можно при условии угрозы здоровью или жизни матери, в некоторых из них также допускается аборт в случаях сексуального насилия. Отсутствие законных способов прерывания беременности часто вынуждает женщин к осуществлению процедуры нелегальным путем. В таких случаях они сталкиваются с серьезными последствиями для своего здоровья, поскольку аборт производится в помещениях, не отвечающих санитарным нормам, людьми, которые не обладают достаточной подготовкой и образованием, с помощью традиционных методов. Нелегальные аборт приводят к ряду осложнений (инфекциям, перфорации матки и кишечника, бесплодию) и часто становится причиной летального исхода.

В сфере здравоохранения, таким образом, можно отметить определенное противоречие между политикой государств и традиционными этнокультурными представлениями. Общинные предрассудки в отношении репродуктивного здоровья женщин сохраняются на постколониальном этапе развития Тропической Африки и оказывают влияние на возможности и доступ женщин к услугам по планированию семьи, а также использованию средств контрацепции, которые могли бы предотвращать нежелательную беременность и распространение инфекций, передающихся половым путем. Национальные правительства делают уверенные шаги в сторону ликвидации дискриминации женщин в этом вопросе, однако при этом соглашаются с традиционными установками, табуирующими аборт по желанию самой женщины.

Таким образом, социальная депривация женщин в постколониальной Тропической Африке связана, прежде всего, с вопросами семейных правоотношений, образования и здравоохранения. В рамках брачно-семейного права сохраняется проблема сохранения норм обычного права, которые дискриминируют женщин, а также формального права, возникшего уже в постколониальный период и закрепляющего различные элементы депривации, такие как главенство в семье, право на самостоятельный выбор супруга и другие.

В системе образования девочки сталкиваются с проблемой доступа к образованию, на которое влияют традиционные представления, стереотипы и гендерные роли, не позволяющие им самим определять свою жизненную и образовательную траекторию. Девочки вынуждены в раннем возрасте вступать в брак, что налагает на них новые обязанности перед супругом и общиной, и тем самым препятствует получению качественного образования. Кроме того, на постколониальном этапе сохраняется проблема, связанная с отношением к дочерям как «временным» членам семьи, что обуславливает нежелание родителей оплачивать их обучение. Девочки в пространстве образовательных учреждений сталкиваются и с другими проявлениями гендерного насилия, которое отвращает их от посещения школ и высших учебных заведений и лишает, таким образом, возможности будущей профессиональной занятости.

В сфере здравоохранения депривации подвергаются женщины, которые в силу этнокультурных предрассудков не имеют доступа к планирова-

нию семьи, использованию контрацептивных средств и совершению абортов по своему желанию. Это не только создает условия для осуществления психологического насилия, но и приводит к возникновению физиологических последствий для репродуктивных функций и организма в целом.

В 1960–1970-е гг. проблема социальной депривации женщин народов Африки южнее Сахары не имела устойчивой положительной динамики. Существенные изменения начинают появляться только с 1980-х гг., когда национальные правительства приступили к реализации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Если на начальном этапе их деятельность была в большей мере ориентирована на модернизацию законодательства (внесение в Конституцию и иные нормативно-правовые акты понятия «дискриминация», принятие законов, регулирующих гендерные отношения, совершенствование брачно-семейного права), то начиная с конца 1990-х гг. важным направлением становится и просветительская работа. Именно последняя становится важнейшим фактором трансформации представлений о женщинах и о возможностях их самореализации в различных социальных институтах, поскольку она осуществляется в большей мере в сельской среде, которая более устойчива к переменам.

Список литературы:

1. Рыбалкина И.Г. Некоторые демографические и социально-политические аспекты функционирования африканской семьи // Африка. Гендерное измерение / сост. и отв. ред. Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М., 2000. С. 127–135.
2. Рыбалкина И.Г. Особенности и проблемы африканской семьи // Азия и Африка сегодня. М., 2012. С. 47–50.
3. Рыбалкина И.Г. Семейные отношения у средних слоев африканских обществ // Азия и Африка сегодня. М., 2018. №12. С. 47–52.
4. Armstrong A. Uncovering reality: excavating women's rights in African family law // International Journal of Law and the Family. 1993. Vol. 7. Issue 3. P. 314–369.
5. Arthur M., Earle A., Raub A., etc. Child Marriage Laws and the World: Minimum Marriage Age, Legal Exception, and Gender Disparities // Journal of Women, Politics & Policy. Abingdon-on-Thames, 2018. Issue 1, Vol. 39. P. 51–74.
6. Harrel-Bond B. E., Rijnsdorp U. Family Law in Sierra Leone. A Research Report. Leiden, 1975. 144 p.

Об авторе:

ПЕТРОВ Константин Алексеевич – ассистент, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

THE PROBLEM OF SOCIAL DEPRIVATION OF WOMEN IN THE SOCIETIES OF POST-COLONIAL SUBSAHARIAN AFRICA

K. A. Petrov

Tver' State University, Tver'

Annotation. The article is an analysis of the problem of social deprivation of women in the societies of postcolonial Tropical Africa. The author focused on the study of the most important social institutions that are decisive for women's everyday life in the Sub-Saharan region - family, education and health care. The author identifies the key aspects of deprivation: the minimum age at marriage, domination in the family, the status of women, parental rights and responsibilities, access to education, reasons for girls dropping out of school, access to reproductive medicine. The author concludes that the main factor of deprivation at the postcolonial stage of development of sub-Saharan societies remains customs and traditional practices that contribute to the preservation of stereotypes of femininity and the formation of typical gender scenarios.

Keywords: social deprivation, gender, gender-based violence, postcolonialism, Tropical Africa.

About author:

PETROV Konstantin Alexeevich – assistant, the Department of General History, the Tver' State University (170100, Russia, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

References

- Rybalkina I. G., *Nekotoryye demograficheskiye i sotsial'no-politicheskiye aspekty funktsionirovaniya afrikanskoy sem'i*, Afrika. Gendernoye izmereniye, sost. i otv. red. N. L. Krylova, N. A. Ksenofontova, M., 2000. S. 127–135.
- Rybalkina I. G., *Osobennosti i problemy afrikanskoy sem'i*, Aziya i Afrika segodnya, M., 2012. S. 47–50.
- Rybalkina I. G., *Semeynyye otnosheniya u srednikh sloyev afrikanskikh obshchestv*, Aziya i Afrika segodnya, M., 2018, № 12, S. 47–52.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021 г.